

Библейские мотивы в русской живописи и литературе

Муратова Е.Ю.

Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова», Витебск

В статье рассматриваются библейские мотивы, нашедшие отражение в русской литературе и живописи.

Цель работы — проанализировать библейские сюжеты с точки зрения их культурологического влияния на русскую художественную культуру.

Материал и методы. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская художественная проза, посвящённые библейским образам. В работе использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации.

Результаты и их обсуждение. В статье подробно проанализирован рассказ А.П. Чехова «Студент». Рассмотрено стихотворение А. Городницкого «Рембрандт», в котором автор обращается к притче о блудном сыне и картине Рембрандта «Возвращение блудного сына». Описана и проанализирована картина великого русского художника А. Иванова «Явление Христа народу», а также картина И. Левитана «Над вечным покоем».

Заключение. Ключевым текстом христианской религии является Библия. На библейские сюжеты создано великое множество картин, икон, скульптур, художественных произведений и поэтических текстов. Это нашло отражение в проанализированных художественных текстах А.П. Чехова, картинах А. Иванова и И. Левитана.

Ключевые слова: Библия, притча, живопись, литература, Иисус Христос, образ, интерпретация, русская культура, русский язык.

(Ученые записки. — 2025. — Том 42. — С. 43–49)

Biblical Motifs in Russian Painting and Literature

Muratova E.Yu.

Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”, Vitebsk

The article examines the Biblical motifs reflected in Russian literature and painting.

The purpose of the work is to examine Biblical subjects from the point of view of their cultural influence on Russian artistic culture.

Material and methods. Russian artists' paintings and Russian fiction devoted to Biblical images served as the research material. The basic general scientific methods of observation, description, analysis and interpretation were used in the analysis of the material.

Findings and their discussion. The article analyzes in detail A.P. Chekhov's story “The Student”. The article considers A. Gorodnitsky's poem “Rembrandt”, in which the author analyzes both the parable of the prodigal son and Rembrandt's painting “The Return of the Prodigal Son”. The painting by the great Russian artist A. Ivanov “The Appearance of Christ to the People”, as well as the painting by I. Levitan “Over Eternal Rest”, is described and analyzed.

Conclusion. The Bible is the key text of Christian religion. A great many paintings, icons, sculptures, works of art and poetic texts have been created based on Biblical subjects. This is reflected in the analyzed artistic texts by A.P. Chekhov, paintings by A. Ivanov and I. Levitan.

Key words: the Bible, parable, painting, literature, Jesus Christ, image, interpretation, Russian culture, the Russian language.

(Scientific notes. — 2025. — Vol. 42. — P. 43–49)

Актуальность изучения Библии и её отражения в искусстве определяется неизменностью человеческой природы. Мир меняется, а человеческие страдания и радости остаются неизменными. На вечные вопросы Библии: в чём смысл жизни, что есть добро и зло, вера и неверие, грех и прощение

и подобные — разные художники, писатели, философы в разные времена отвечают по-разному. Каждая культура по-своему отражает и преломляет библейские сюжеты в зависимости от времени создания, культурных особенностей эпохи, личности и таланта творца — наблюдается постоянная эволюция

художественного прочтения и отражения библейских сюжетов в искусстве. Кроме того, язык Библии представляет собой сакральный компонент духовного кода культуры, требующий постоянного своего «раскодирования». Поэтому исследование того, как библейские притчи, мотивы, образы, учение Христа отражаются в искусстве, в частности, в русской живописи и литературе, является весьма актуальным.

Цель данной работы — рассмотреть библейские сюжеты с точки зрения их культурологического влияния на русскую художественную культуру.

Материал и методы. Материалом исследования послужили картины русских художников и русская художественная проза, посвящённые библейским образам. При анализе материала использовались основные общенаучные методы: наблюдения, описания, анализа и интерпретации. Методологическое значение в работе имеет «композиция научного задания» (термин М. Бахтина), необходимая для объединения рассматриваемых текстов культуры единой интерпретационной основой. Кроме того, применялись интертекстуальный и дискурсивный анализы текстов культуры, отражающих библейские мотивы.

Результаты и их обсуждение. Ключевым текстом христианской религии является Библия, которая фактически представляет собой целое собрание книг, включающих историю, философию, поэзию, драму, биографические сведения и пророчества. Вся мировая культура пронизана религиозными мотивами, библейскими образами, сюжетами, заповедями, выражениями.

Русская религиозная мысль и русская литература XIX века имеет свою специфику, о чём писал Н. Бердяев: «Русская религиозная мысль XIX века замечательна не по совершенству своих творений, а по своей религиозной взволнованности и скрытой в ней проблематике».

Религиозная тема стала основной у нас, религиозное беспокойство овладело всей русской литературой. Мы творили не от радостного избытка, а от печали и муки о судьбе человека, народа, всего человечества. Христианская человечность глубоко вошла в душу русских мыслителей, русских писателей, и душа эта была ранена человечностью и сострадательностью. ...В русской литературе, у великих русских писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Вся наша литература XIX века ранена христианской темой...» [1].

Русская литература, особенно в XIX — начале XX века была именно «ранена христианской темой». Назовем некоторые и них: «Преступление и наказание» Ф.М. Достоевского, «Господин из Сан-Франциско» И. Бунина, «Станционный смотритель» А. Пушкина, «Суламифь», «Гранатовый браслет» А. Куприна, «Пророк» А. Пушкина, «Молитва», «Смерть поэта» М. Лермонтова, «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Двенадцать» А. Блока, «Мастер

и Маргарита» М. Булгакова и др. Особенно трепетно и тонко библейские мотивы проявляются в поэзии:

*О Боже, Ты даёшь для Родины моей
Тепло и урожай — дары святые неба.
Но, хлебом золотя простор полей,
Ей также, Господи, духовного дай хлеба!* (А. Майков)

Это могут быть поэтические пересказы конкретных библейских сюжетов (Евангелие от Иоанна, глава 8): «Тут книжники и фарисеи привели к Нему женщину, взятую в прелюбодеянии, и поставивши её посреди, Сказали Ему: Учитель! эта женщина взята в прелюбодеянии; А Моисей в законе заповедовал нам побивать таких камнями: Так что скажешь? Говорили же это, искушая Его, чтобы найти что-нибудь к обвинению Его... Он восклонившись сказал им: кто из вас без греха, первый брось на нее камень... Они же, услышавши то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим...» [2].

И говорят Ему: «Она / Была в грехе уличена / На самом месте преступленья. / А по закону мы её / Должны казнить без сожаленья; / Скажи нам мнение Своё!» / И на лукавое воззванье, / Храня глубокое молчанье, / Он нечто — грустен и уныл — / Перстом божественным чертил! / И наконец сказал народу: / «Даю вам полную свободу / Исполнить древний ваш закон, / Но где тот праведник, где он, / Который первый на блудницу / Поднимет тяжкую десницу?» (А. Полежаев).

В Евангелии от Иоанна в главе 11 описывается «Смерть и воскрешение Лазаря»: «Иисус же, опять скорбя внутренне, приходит к гробу. То была пещера и камень лежал на ней. Иисус говорит: отнимите камень... Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший... Он воззвал громким голосом: Лазарь! иди вон. И вышел умерший, обвитый по рукам и ногам погребальными пеленами...» [2].

*О Царь и Бог мой! Слово силы
Во время оно Ты сказал,
И сокрушён был плен могилы,
И Лазарь ожил и восстал* (А. Полежаев).

Многие стихи, отражающие учение Христа, выражают душевные страдания, поиски света и очищения, обращения за помощью к Богу:

*Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как ни скорбит перед замкнутой дверью:
«Впусти меня! — Я верю, Боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»*

Или:
*Пускай страдальческую грудь
Волнуют страсти роковые —
Душа готова, как Мария,
К ногам Христа навек прильнуть*

*Растление душ и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?
Ты, риза чистая Христа... (Ф. Тютчев).*

Современная поэзия также во многом обращена к Богу, к его духовной силе и помощи: *Христос и Бог! Я жажду чуда / Теперь, сейчас, в начале дня! / О, дай мне умереть, покуда / Вся жизнь как книга для меня. / Ты мудрый, / Ты не скажешь строго: / — «Терпи, ещё не кончен срок». / Ты сам мне подал — слишком много! / Я жажду сразу — всех дорог! (М. Цветаева).*

Стихотворение Б. Окуджавы «Молитва»: *Пока Земля ещё вертится, / пока ещё ярок свет, / Господи, дай же ты каждому, / чего у него нет: / мудрому дай голову, / трусливому дай коня, / дай счастливому денег... / И не забудь про меня. / Пока Земля ещё вертится — / Господи, твоя власть! — / дай рвущемуся к власти / навластвовать властью, / дай передышку щедрому, / хоть до исхода дня. / Каину дай раскаяние... / И не забудь про меня. / Я знаю: ты все умеешь, / я верую в мудрость твою, / как верит солдат убитый, / что он не погибнет в бою, / как верит каждое ухо / тихим речам твоим, / как веруем и мы сами, / не ведая, что творим!...*

Рассмотрим рассказ А. Чехова «Студент» [3], в котором основной темой является мотив христианского прозрения главного героя. Рассказ очень короткое, но имеет глубокий религиозно-философский смысл. Повествование на всём его протяжении сопровождается не только прямой пересказ Библии (об отречении Петра от Иисуса Христа), но и многочисленные библейские аллюзии и реминисценции, произведение будто бы глубинно «пропитано» библейскими мотивами.

Во-первых, очень важная деталь: студент духовной академии в Страстную пятницу, за два дня до Пасхи, возвращается с охоты, хотя ему надлежало бы благочестиво провести день в храме с благоговейной молитвой. Об охоте Чехов упоминает вскользь, но эта деталь говорит о том, что студент не очень верующий человек. На душе у него тяжело, и природа как будто специально усиливает его мрачное состояние: *«Ему казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всём порядок и согласие, что самой природе жутко, и оттого вечерние потёмки сгустились быстрей, чем надо. Кругом было пустынно и как-то особенно мрачно».*

Символическое значение приобретает в чеховском тексте слово пустыня (*кругом было пустынно, такая же пустыня кругом, пустынная деревня*). Описание болота, где что-то жалобно гудит, описание холода, пустыни мы встречаем в Библии: *«И тогда Всевышний наслал на Египет Десять казней. / Лягушки заполнили дома египтян. / Град побил их поля и скот. / Затем на Египет опустилась трёхдневная тьма».* Слово *пустыня* имеет в русском языке значение ‘засушливая, безводная местность со скудной растительностью’, а также — ‘безлюдная местность’.

Именно во втором значении употребляется слово пустыня в чеховском рассказе. Впрочем, образ пустыни в данном произведении нельзя назвать безотрадным, поскольку пустыня не только место скорби, но и место таинственной встречи человека с Богом, что рождает надежду.

Студент думал о том, что точно такой же ветер дул и при Рюрике, и при Иоанне Грозном, и при Петре, и кругом была такая же нищета, тоска, невежество и через тысячу лет потом всё будет точно так же: *«...все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдёт ещё тысяча лет, жизнь не станет лучше. И ему не хотелось домой»* [3]. Последняя фраза имплицитно отсылает нас к притче о блудном сыне (...младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону), но она же рождает и надежду: автор как будто готовит читателя к будущей духовной перемене студента: *«Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропал и нашёлся».* Но в целом в начале рассказа мы наблюдаем не просто разочарование в самом себе, а абсолютный пессимизм студента, его неверие в лучшее, мысли о бесконечных нищете и горе во все времена, т.е. вечно. Ощущение вечного горя — это страшно, это бездонная глубина отчаяния.

В таком состоянии он подошёл к костру, где сидели две вдовы, простые женщины Василиса и Лукерья, которые напоминают читателю о евангельских вдовах, о женах-мироносицах, о Марфе и Марии — сёстрах праведного Лазаря, которые находились рядом с Иисусом Христом, сострадая Его мучениям на кресте. Костёр вдруг напомнил ему евангельскую легенду о предательстве Иуды, аресте Иисуса Христа, об апостоле Петре, который трижды отрёкся от Иисуса до того, как пропел петух. Он стал рассказывать эту библейскую историю женщинам: *«Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечера... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал»* [3].

Если Господь простил своего ученика, проявившего душевную слабость, не перестал его любить, то, вне всякого сомнения, Он простит и всякого человека, покаявшегося в своем согрешении. *«Василиса вдруг всхлинула, слезы, крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слёз, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль»* [3]. Это студента потрясло.

Далее А. Чехов пишет: *«Работники возвращались с реки, и один из них верхом на лошади был уже близко, и свет от костра дрожал на нём»* [3]. В тексте Евангелия: *«Работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись»* [2]. Возникает такое ощущение, что автор намеренно воссоздает «здесь и сейчас» ту обстановку, природную и человеческую атмосферу, которая была 19 столетий

назад, когда Пётр стоял у костра и грелся и когда он трижды отрёкся от Иисуса Христа. Ещё одна деталь. Студент говорит: «С ними около костра стоял Пётр и тоже грелся, как вот я теперь». Иван сравнивает себя с апостолом Петром. Почему? Иван так же, как Пётр, проявил слабость или недомыслие и неверие, когда сегодня, в Страстную пятницу вместо того, чтобы молиться в храме, пошёл на охоту и тем самым отступил от учения Христа.

«Студент пожелал вдовам спокойной ночи и пошёл дальше... Студент опять подумал, что если Василиса заплакала, а её дочь смутилась, то, очевидно, то, о чём он только что рассказывал, что происходило девятнадцать веков назад, имеет отношение к настоящему — к обеим женщинам и, вероятно, к этой пустынной деревне, к нему самому, ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Пётр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра. И радость вдруг заволновалась в его душе, и он даже остановился на минуту, чтобы перевести дух» [3].

События, о которых рассказывал Иван, происходили 19 веков назад, а сердце у этих женщин разрывается сегодня. Значит связь времён не через горе, нищету и невежество, а через нечто духовное, человеческое и божественное. Иван Великопольский открыл для себя духовную связь времён. Через переживания Василисы и Лукерьи о Петре, жившем сотни лет назад, через его ошибки и слёзы Иван открыл для себя путь милосердия и сострадания, путь любви и служения ближним.

Библейские темы, мотивы, образы нашли широкое отражение в русской живописи. Достаточно прочесть названия картин, чтобы увидеть сюжеты Ветхого и Нового заветов Библии.

Рассмотрим подробнее картину А. Иванова «Явление Христа народу», сюжет которой основан на 1-й главе Евангелия от Иоанна. В Библии Иисус Христос имеет 500 различных имен: Сын Божий, Сын Человеческий, Господь Иисус Христос, Спаситель мира, Искупитель, Агнец Божий, Свет миру, Отец вечности и др. Иоанн называет Иисуса Христа Словом, Светом, единокордным Сыном, Агнцем Божиим, Иисусом Христом. Евангелие от Иоанна открывает Христа, пришедшего в среду человечества, чтобы искупить людей от греха. А в 1-й главе описывается крещение Иоанном людей в реке Иордан и крещение самого Иисуса Христа. Вот как описывается в Евангелии от Иоанна явление Христа народу: «...И они спросили его: что же ты крестишь, если ты не Христос, ни Илия, ни пророк? Иоанн сказал им в ответ: я крещу в воде; но стою среди вас Некто, Которого вы не знаете: Он-то Идущий за мною, но Который стал впереди меня; я не достоин развязать ремень у обуви Его... На другой день видит Иоанн идущего к нему Иисуса и говорит: вот Агнец Божий, Который берёт на Себя грех мира» [2].

Этот библейский сюжет представлен на картине А. Иванова следующим образом. В центре картины находится Иоанн Креститель, на ближнем плане — обнажённые и полуобнажённые крестящиеся люди, на дальнем плане группа одетых людей, т.е. тех, кто креститься не решается, так называемые «неверные», а далее — Иисус Христос. Он почти не виден за толпой людей, но всё же среди толпы людей он невидимо призывает к Себе всех страждущих и обременённых. Важно, куда идёт Христос. По первоначальным этюдам А. Иванова Христос шёл прямо к Иоанну, а в картине он идёт к неверным. Предполагается, что слова из Евангелия «Я пришёл не праведников, но грешников призвать к покаянию» изменили замысел художника, «направив» Спасителя на картине именно к группе «грешников».

Содержание картины раскрывается, в первую очередь, через реакцию людей на появление Иисуса Христа. Александр Иванов искал образы к своей картине много лет по всей Италии: на улицах, в бедных кварталах Рима, но в первую очередь — в синагогах и церквях, так как считал, что настоящая глубина чувств, истинность природы человека проступала на лицах именно в храмах. И лица на картине, действительно, неповторимые.

Картина А. Иванова «Явление Христа народу» стала смыслом всей жизни художника, он писал её 20 лет (1837–1857). А. Иванов гениально осуществил свою цель — воплотить в картине историческое значение христианства. Картина была гигантской по размерам: сорок с половиной квадратных метров. Перевозка полотна из Рима в Санкт-Петербург была очень сложной и долгой. Из Рима в Санкт-Петербург картину отправили морем — прямо на палубе корабля: полотно подобного размера не вместили ни один трюм, так что в пути картина перенесла и дождь, и ветер, и шторм. 20 мая (1 июня) 1858 года Иванов после 28-летнего отсутствия прибыл в Санкт-Петербург, и 28 мая картина «Явление Христа народу» была выставлена в Белом зале Зимнего дворца, где её осмотрел император Александр II. В ожидании решения о дальнейшей судьбе картины Иванов заболел холерой и скончался. Через несколько часов после его смерти поступило известие о том, что император покупает «Явление Мессии» за 15 тысяч рублей серебром, а также жалует художнику орден Святого Владимира.

Важным является изучение связи живописи и художественной литературы, т.е. осмысление феномена культуры как явления, пронизывающего все сферы социального бытия. Ю.М. Лотман ввёл понятие и разработал теорию семиосферы как пространства порождения и функционирования культурных текстов, в котором текст как результат семиотической деятельности, произведение языка, искусства, культуры, элемент смыслового диалога. Таким образом, любое произведение искусства — это текст культуры [4]. «Всякое расширение границ художественной формы

того или иного искусства, “вторжение” его в область других искусств даёт хорошие плоды тогда, когда является внутренним, органическим процессом роста самого этого искусства, развёртывания его потенциальных возможностей» [5].

Это может быть не только «вторжение», но абсолютное совпадение темы у художника и писателя, о чём писал Г.Э. Лессинг: «Но так как поэт и художник, имея общие предметы для подражания, нередко должны рассматриваться с одинаковой точки зрения, то легко может случиться, что в их произведениях найдётся много сходных черт, хотя бы они несколько не подражали один другому. Это сходство черт, наблюдаемое у поэтов и художников одной эпохи, может быть даже очень полезно, взаимно облегчая толкование их произведений» [6]. Например, в русском искусстве: И.Н. Крамской «Русалки» — Н.В. Гоголь «Майская ночь»; В.Г. Перов «Суд Пугачёва» — А.С. Пушкин «Капитанская дочка»; В.Г. Перов «Старики-родители на могиле сына» — И.С. Тургенев «Отцы и дети»; И.Е. Репин «Запорожцы, сочиняющие письмо турецкому султану» — Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» и т.п.

Высказывание Г.Э. Лессинга подтверждает анализ и интерпретация библейской притчи о блудном сыне. Это одна из известнейших притч Иисуса Христа в 15-й главе Евангелия от Луки: «Ещё сказал: у некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: “отче! дай мне следующую мне часть имения”. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно. Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошёл, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней, и он рад был наполнить чрево своё рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему. Придя же в себя, сказал: “сколько наёмников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим; прими меня в число наёмников твоих”. Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: “отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим”. А отец сказал рабам своим: “принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного телёнка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся”. И начали веселиться» [2].

Притча метафорически раскрывает Божье милосердие ко всем грешникам. Она находится в центре того понимания гуманности, которую проповедовал Иисус Христос: о спасительной любви к ближнему, о грехе

и покаянии. Эта притча нашла отражение во многих произведениях искусства (например, картины Яна Стена, Мурильо). Но самой известной картиной является «Возвращение блудного сына» голландского художника Рембрандта ван Рея. Русский поэт Александр Городницкий в свою очередь отразил и саму притчу, и восприятие картины Рембрандта в стихотворении «Рембрандт»:

*В доме холодно, пусто и сыро.
Дождь и ветер стучат о порог.
Возвращение Блудного Сына
Пишет Рембрандт. Кончается срок.*

*Сын стоит на коленях, калека,
Изможденных не чувствуя ног,
Голова — как у бритого зека, —
Ты откуда вернулся, сынок?*

*Затерялись дороги во мраке.
За спиной не видно ни зги.
Что оставил ты сзади — бараки?
Непролазные дебри тайги?
Кто глаза твои сделал пустыми,
Развратители или война?
Или зной Галилейской пустыни
Все лицо твоё сжжёт дочерна?*

*Не слышны приглушённые звуки.
На холсте и в округе темно, —
Лишь отца освещённые руки
Да лица световое пятно.
Не вернуться. Живём по-другому.
Не округла, как прежде, Земля.
Разрушение отчего дома —
Как сожжение корабля.
Запустение, тьма, паутина,
Шорох капель и чайный крик,
И предсмертную пишет картину
Одинокий и скорбный старик.*

С точки зрения М.М. Бахтина, большие и существенные хронотопы могут включать в себя неограниченное количество мелких хронотопов [7]. «В стихотворении выявляется несколько разных хронотопов. С одной стороны — пространство замкнутое, своё — дом Рембрандта, в котором он пишет картину “Возвращение блудного сына”; с другой — пространство открытое, чужое — пространство блудного сына. В пространстве художника — конкретное время (XVII век), в пространстве сына — регистр разных времён: библейские времена (зной Галилейской пустыни), XX век (бараки, непролазные дебри тайги), любое время (развратители, война). Незримо присутствует в стихотворении и идиллический хронотоп — детство и юность блудного сына: раз он вернулся в отчий дом, значит то время было для него счастливым» [8].

А. Городецкий по-своему интерпретирует и библейскую притчу, и картину художника. На картине Рембрандта сын стоит на коленях спиной к зрителю, а автор стихотворения нам показывает его лицо: *сын-калека с пустыми глазами и с обожжённым дочерна лицом*. Поэт расширяет и углубляет образ блудного сына, он как будто «включает» его в XX век: блудный сын оставил за собой не только *зной Галилейской пустыни, но и войны, бараки, непролазные дебри тайги*. О каких бараках, о каких непролазных дебрях идёт речь?

Невольно возникают ассоциации с бедами и несчастьями XX века: Первая и Вторая мировые войны, тюремные застенки, бараки сталинских и фашистских концлагерей, Хиросима и Нагасаки, уничтожение миллионов людей. М.М. Бахтин писал: «Даже прошлые, то есть рождённые в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершёнными, конечными) — они всегда будут меняться (обновляясь) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога, по ходу его они снова вспомнятся и оживут в обновлённом (в новом контексте) виде» [9].

Блудный сын вернулся в отчий дом, а о нас, сегодняшних, А. Городецкий пишет: *Не вернуться. Живём по-другому*. Это очень пессимистические строки, мы продолжаем «пасти свиней»: военные конфликты, гибель тысяч мирных людей, закрытые границы между странами, опасные политические игры. Нам ещё далеко до осознания блудного сына: «*Встану, пойду к отцу моему и скажу ему: отче! я согрешил против неба и пред тобою... Встал и пошёл к отцу своему*». Весь мир живёт в напряжении, а ведь мир — это наш общий отчий дом. И А. Городецкий предупреждает: *Разрушение отчего дома — Как сожжение корабля*. Так библейская притча может быть абсолютно актуальной, она заставляет задуматься современного человека о своей жизни, духовных ценностях, ответственности за себя, своих детей, свою страну — за наш общий отчий дом.

Библейские мотивы могут проявляться в живописи и поэзии не через притчи, мифы, проповеди, но и очень завуалированно, ассоциативно, имплицитно. Яркий пример этому — картина Исаака Левитана «Над вечным покоем». На картине на фоне тяжёлого темного неба стоит маленькая покосившаяся церквушка, в окошке которой светится слабый огонёк, вокруг — кладбище с неухоженными могилами. И вокруг — тишина, непреодолимая и мёртвая. Здесь не представить пение птиц, шум берёз, мычание коровы — звучащую жизнь. Здесь тишина пахнет смертью. Сама картина и её название рождает два важных вопроса: какой покой имеет в виду художник и отражает в своей картине и НАД каким покоем можно быть?

Покой в узальном употреблении — это отсутствие движения и шума; недвижность; отдых, мир и тишина и под. Вечный покой — это смерть [10].

Как трактует церковь понятие покоя? Приведём некоторые высказывания отцов церкви, известных богословов и святых:

«*Не ищи покоя и утешения в людях, там нет его, ищи только в Боге... и обретёшь всё*» (Инок Никодим);

«*Покой же истинных христиан есть искупление от греховных страстей, а также полное и явное вселение Святого Духа в чистое сердце*» (Святой Макарий Великий);

«*И нигде, никогда, и ни в чём ином на земле не найдёт человек покоя для души своей, пока не вселится в его сердце обещанный Спасителем всем верным чадам Своим Посланник свыше — небесный Дух Утешитель*» (Преподобный авва Дорофей);

«*Покой (в Боге) есть искупление от греховных страстей*» (Святой Макарий Великий);

«*Кто хочет достигнуть покоя, тот здесь пусть терпит скорби...*» (Иоанн Златоуст);

«*Если человек не узнает, что такое скорбь, то не узнает и что такое покой*» (Преподобный авва Дорофей) [11].

Исаак Сирин наиболее глубоко определил, что означает Покой в понимании церкви: войти на небо, общение с Богом, упокоение в небесном блаженстве, общение с ангелами, жизнь бессмертную. Покой является наградой за все земные страдания человека, покой олицетворяет вечность, вечный дом.

Что может быть выше вечного покоя? Представляется, что Исаак Левитан изобразил в своей картине два разных покоя: один покой — земной, реальный, где тишина, мрачность, ни одной живой души, понимание неизбежности смерти, а над земным покоем — покой библейский, покой вечности.

Заключение. Религия проявляет себя в материальных предметах, социальных институтах, в общественных движениях и типах поведения, в многообразных произведениях литературы и искусства. Ключевым текстом христианской религии является Библия.

На библейские сюжеты создано великое множество картин, икон, скульптур, художественных произведений и поэтических текстов. При этом каждая культура по-своему отражает и преломляет библейские сюжеты в зависимости от времени создания, культурных особенностей эпохи, личности и таланта творца.

Русская литература, особенно в XIX — начале XX века была «ранена христианской темой». Это произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова, поэтов и художников Серебряного века, современная литература и живопись.

Библейские темы, мотивы, образы нашли широкое отражение в русской живописи. Одной из самых ярких и значимых картин на библейский сюжет является картина Александра Иванова «Явление Христа народу», в которой показано, как Иоанн Креститель крестит в реке Иордан людей, а затем и самого Иисуса Христа. Картина воспринимается как символ умираю-

щего язычества и зарождающегося Христианства, более того — как противопоставление жизни и смерти.

Таким образом, вся мировая культура, в том числе и русская, пронизана мотивами Библии. Без знаний библейских заповедей, сюжетов, библейских выражений невозможно в полной мере приобщиться к культуре, созданной русским человеком.

Литература

1. Бердяев, Н.А. О характере русской религиозной мысли XIX века / Н.А. Бердяев // *Современные записки*. — 1936. — № LXII. — С. 339.
2. Библия. В русском переводе с параллельными местами. — Минск: Иерусалимский центр изучения и исследования Библии, 1998. — 290 с.
3. Чехов, А.П. Студент / А.П. Чехов // *Путешествие к Чехову. Повести. Рассказы. Пьесы. Размышления о писателе* / А.П. Чехов. — М.: Школа-Пресс, 1996. — С. 31–36.
4. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. — М.: Гнозис, 1992. — 272 с.
5. Дмитриева, Н. Изображение и слово / Н. Дмитриева. — М.: Искусство, 1962. — С. 30–31.
6. Лессинг, Г.Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Г.Э. Лессинг // *Лессинг, Г.Э. Избранные произведения*. — М.: Худ. лит., 1953. — С. 418.
7. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин. — М.: Худ. лит., 1975. — 506 с.
8. Муратова, Е.Ю. Художественный код картины Рембрандта «Возвращение блудного сына» в поэтических текстах / Е.Ю. Муратова // *Вестник Владимирского университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Социальные и гуманитарные науки*. — 2022. — № 1(33). — С. 62.
9. Бахтин, М.М. Вопросы литературы и эстетики: исследования разных лет / М.М. Бахтин // *Эстетика словесного творчества* / М.М. Бахтин. — М.: Искусство, 1975. — С. 209.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Рус. яз., 1981–1984. — Т. 3. П–Р. — С. 247.
11. Добротолюбие: в 5 т. — Репринт. изд. — Т. 1. — М., 1992. — 638 с.

Поступила в редакцию 07.10.2025